

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
УЗО

Серия «Удивительные истории»
Серийное оформление: *Ева Эллер*
Дизайн обложки: *Ева Эллер @eva_eller_art*

УЗО **Удивительные истории о мужчинах** / Сборник.— Москва: Издательство АСТ, 2020.— 350 с. (Удивительные истории).

ISBN 978-5-17-119845-9

Кто такие мужчины? Как они ведут себя в естественной среде обитания? Чем вообще занимаются, когда за ними никто не наблюдает?

Удивительные и правдивые истории о них, о мужчинах. О том, как важно слушать командира, даже если он неправ. Как отстаивать в портах честь российских моряков, как легким росчерком карандаша превратить сослуживцев в женщин легкого поведения и как правильно общаться с военным, если он ко всему прочему — муж?

Двадцать три автора и одна из них женщина — именно для того, чтобы можно было написать про истории «правдивые», не сильно покривив душой.

Иллюстрация на обложку: *Ева Эллер*
Иллюстрации для внутреннего оформления:
Константин Соколов

© Авторы, 2019
© Э. Овечкин, составление, 2019
© К. Соколов, ил., 2019
© Ева Эллер, обложка, ил. на обл., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Эдуард Овечкин

В ТУМАНЕ

Зябко. Туман такой густой, что не сразу понятно: то ли это подводная лодка плывет по морю, то ли аэростат летит по облаку. Спереди — ни зги, сзади — ни зги, по левому борту едва виден красный ходовой огонь, по правому зеленый — чуточку лучше, но кому они светят? Внизу моря будто и нет, хотя им пахнет, и оно там точно есть и даже иногда плещется по бортам, но звук не такой, как обычно, а глухой, посторонний. где-то должна быть полная луна, и она наверняка где-то и есть, и можно даже показать пальцем в ту сторону, сверившись с картами: показать можно, а вот увидеть — нет.

Старпом на мостике страдает: он же не привык ждать милостей от природы, а тут природа возьми да и расставь все по местам: извините, мол, товарищи военморы, но у меня сегодня меланхолия, и сколько вы ни стреляйте в меня своими красными ракетами, а я буду хандрить, спасибо за внимание. До свидания — вот вам, кстати, еще белый туман.

На резине конденсируются капли, и оттого резина кажется жирной — капли сидят на ней плотненько, пузатенькие такие, дрожащие. Прозрачные. И, если тронуть их пальцем аккуратно, чтоб не раздавить, они тут же срываются вниз по покатоному борту рубки и весело исчезают в тумане, оставляя за собой пунктирные следы из махоньких таких капелек, своих, видимо, детишек. Но в воздухе сыро, и долго с капельками не поиграешь. Вахта началась недавно, но все уже успели и вдоволь наговориться, и всласть намолчаться, и делать-то больше нечего, кроме как следить за курсом.

— Боцман, на румбе!

— Проходим двести семьдесят, ложимся на курс триста!

— Есть, боцман!

Скорость маленькая, и лодка слушается руля неохотно — поворачивается на новый курс долго, по сильно пологой дуге. Вверху висит огрызок флага, периодически просыпается и лениво хлопает, брызгаясь водой. Надо бы не забыть штурмана взбодрить по этому поводу: меньше половины уже осталось от синего креста — никакой солидности.

Вахтенный офицер тянется к рычагам «Тифона» и «Сирены».

— Ну-ка, дай-ка я! — отодвигает его старпом.

Хоть вахтенный офицер и минер, с подачей сигналов он точно справился бы и самостоятельно, но старпому неумоготу рулить кораблем и не рулить им одновременно от невозможности и бесполезно-

сти этого занятия. Хоть бы врезался кто, и то веселее было бы!

Сначала два раза «Тифон»: басовито и низко, так, что вибрируют пломбы и дрожат напуганные капли на стекле, а рулевой морщится и оборачивается в сторону мостика — ревет ведь у него над головой; потом «Сирена», тоже дважды, но высоко, визгливо, будто захлебываясь в истерике,— рулевой снимает перчатки, хлопает себя по мокрым карманам тулупа и, отыскав сигареты, закуривает. Пару минут тишина — все слушают, не отзовется ли кто, и на миг кажется, что отзывается,— старпом даже сдергивает шапку, чтоб лучше слышать.

— Да? — спрашивает он у минера.

— Нет. Эхо вроде.

— Да, вроде как оно. Один черт, не понять ни направления, ни дистанции. Ты там куришь снова?

— Нет, что вы, Сей Саныч!

— Дым откуда?

— Из ушей! Дудите там как не в себя! Мозги лопнут уже скоро!

— Откуда у тебя мозги? Были бы мозги — пошел бы в военное училище, а не сидел бы рулевым всю жизнь!

— А рулевым тогда кто бы сидел?

— Тоже верно,— кроме тебя, и некому. Хоть ты и без мозгов. Чаю будешь?

— Можно, да.

— Ну сбегай вниз и мне заодно сделай.

— И мне.— Минер топает по коротенькому трапу сверху, подменить рулевого. Лишние слова им не нужны — все и так знают, кто, что и когда делает.

— На румбе двести девяносто, ложимся на триста.—
Боцман знает, что минер это тоже знает, но порядок
на то и порядок, чтоб все было в порядке.

— Есть двести девяносто на триста. Мостик на румбе
двести девяносто, ложимся на триста!

— Есть, смену рулевого разрешаю!

Хоть за чаем сходить, хоть на абордаж сбегать, а все
должно быть так, как должно быть, а иначе какой же
это Военно-морской флот? Это разве что мотострел-
ковое подразделение, набранное двадцать восьмого
декабря из скрывавшихся ранее резервистов.

— БИП мостику! — кричит старпом в переговорное
устройство.

— Есть БИП! — голос у БИПа ленивый, расслаблен-
ный в тепле и мерном жужжании центрального.

«Спит, сука!» — думает старпом.

— Обстановка?

— Горизонт чист!

— Спишь, сука?

— Никак нет, мостик!

— Смотри у меня! И если что там — сразу доклад! Не-
медленно! Как понял?

— Есть доклад немедленно.

— Спит там, сука, представляешь? — кричит старпом
минеру.

Минер встrepенулcя: тоже задремал,— внизу так же
холодно, как и на ходовом мостике, но хоть не так
сыро и лампы вон светят, а от них кажется, что теплее.

На румбе — триста пять градусов, проскочил курс, тихонечко руль влево — авось не заметят.

— Мостик, штурману!

— Есть штурман.

— Рекомендую задержаться на курсе триста!

— На румбе? — не понимает старпом, который как раз на этот курс и ложился.

— Триста три,— врет минер,— устаканиваю!

— Тоже там спишь, собака бешеная?

— Никак нет!

— Никак нет,— дразнится старпом,— есть штурман, задерживаемся на курсе триста! Дружок твой, рога-тый, уснул на руле!

— Не друг он мне после того случая на Яграх!

— А сам виноват! — кричит минер.— На румбе триста!

— Есть триста! Штурман, смотри, на румбе триста!

— Подтверждаю. Есть триста.

— Штурман, мостику!

— Есть штурман.

— Так что там было, на Яграх-то?

— Так я вам три раза уже рассказывал!

— Да делать мне нечего, херню эту вашу помнить! Расскажи еще раз, язык у тебя отвалится?

— Все веселитесь тут, да? — на мостик поднимается командир с термосом, и от него недолго пахнет теплом, и туман в недоумении клубится поодаль, боится подступить поближе, но недолго.— На, тебе боцман чай вот передал.

— На румбе триста,— докладывает старпом,— видимость — ноль, слышимость — ноль, следуем в полигон по приборам. А сам-то где он?

— Боцман? Пописать побежал.

— И через вас чай передал?

— Ну видишь же. А минер где у тебя? Бежит впереди корабля с факелом?

— Рулит, тащ командир, боцман же... того.

— А, ну давай я ему чай отнесу. Где-то у меня в кармане второй стакан был.

Командир спускается к минеру, вручает ему стакан с чаем: «За хорошую службу и чтоб не говорил потом, что я тебя не поощряю!», присаживается рядом на откидное сиденье:

— А чего у тебя форточки закрыты?

Открывает форточку, и в нее тут же лезет туман, и было ничего не видно, а стало ничего не видно — и туман. Закрывает.

— Ну-ка, дай-ка попробую, больно вкусно пьешь! Не, не могу такой пить — от сахара губы слипаются. Серега, а сколько нам до полигона пилить?

— Часа три так точно. Ускориться бы...

— Да куда ты тут ускоришься?

— Да я так, высказываю пожелания во Вселенную.

— Чем-то ты ей насолил, видать.

— Вселенной-то? А чем я ей только не солил! Сами же знаете.

— Ладно, я — вниз, если что, сразу зови! О, а дай подудеть хоть: зря лез, что ли!

Командир поднимается на мостик.

— Взрослые люди,— бурчит минер,— хуи по колено, а все лишь бы подудеть куда.

— Чего говоришь? — не слышит его командир.

— Все правильно, говорю! Безопасность — она выше всего!

И снова два басовитых, низких и два визгливых, высоких. И слушают, не отзовется ли кто. Нет — тишина.

— Может, вам бутербродов передать с боцманом? — кричит командир уже из люка.

— Да! — кричит минер.

— Нет! — кричит старпом.— Вы лучше нам боцмана с боцманом передайте!

Скоро выходит и боцман, поднимается на мостик: он передел тулуп и, только поднявшись наверх, чувствует себе еще довольно комфортно. Оглядывается. Туман вроде немного редееет, и уже видно, где сзади кончается рубка (или он просто знает, где она кончается, и дорисовывает ее контуры в тумане сам), но носа и хвоста по-прежнему не видать.

— Думал, у вас тут хоть видимость получше.

— Ага. Мы же офицеры — у нас все получше, чем у вас, мичманов, да?

— Нет. А где мой термос-то? Пойду минеру бутерброд передам.

— А мне?

— Что?

— Бутерброд.

— А вам командир не передавал — только минеру. Плохо себя вели, да, Сей Саныч?

— Мостик, БИПу!

— Есть мостик!

— По пеленгу двести шестьдесят в дистанции одного кабельтова ничего не наблюдаете? Случайно?

— Он охуел? — спрашивает старпом у боцмана.

Боцман пожимает плечами.

— Ты охуел? — спрашивает старпом у спрашивающего БИПа.— Ну-ка сюда, быстро! Минера на мостик, мигом! — снова боцману.

Шутки кончаются, и об этом не надо никому объявлять — все понятно по интонации. Боцман скатывается вниз: «Триста — едем прямо, есть триста — едем прямо», и минер уже на мостике.

— Ракету на двести шестьдесят! — командует старпом.

Минер заряжает ракетницу и бахает в заданном направлении, но ракета тонет в тумане метрах в пятидесяти — какой уж тут кабельтов? Вахтенный БИПа выходит в РБ, тапочках и пилотке, и за это старпом начинает ненавидеть его еще больше.

— Видишь? — тычет старпом пальцем в пеленг двести шестьдесят.— Где твой кабельтов?

— Не вижу,— соглашается вахтенный БИПа.

— А сколько видишь?

— Метров тридцать, может. Меньше даже.

— И я! И я вижу столько же! Сюда смотри!

Старпом показывает на свои глаза:

— Видишь? Обыкновенные человеческие глаза! Два! Как и у тебя, странно, да? И, если они говорят, что видимость — ноль, значит, она обычный такой ноль, и это ты, ты, сука, должен мне говорить, что ты наблюдаешь в дистанции одного кабельтова, чтоб я мог принимать решения! Ты — потому что у тебя что?

— Омнибус?

— Пра-а-авильно, потому что у тебя — точный прибор, да что там прибор — целая система, созданная гением советской инженерной мысли, а у меня всего лишь глаза! Так какого тогда хуя?

— Да там непонятно ничего. Вроде цель, вроде не цель — хода нет, засветка, может, вот я и...

— И что ты? Приказал мне туман развести руками?

— Уточнил...

— Уточнил. Центральный, мостику!

— Есть центральный.

— Стоп обе. Командира БЧ-7 в центральный. Что ты тут стоишь? Иди на боевой пост — и немедленно разбирайтесь там!

— Не стоит просить у вас разрешения перекурить?

— Даже не вздумай!

— Мостик, центральному! Застопорены обе турбины.

— Есть центральный! Минер, куда ты смотришь? Нет, блядь, двести шестьдесят на десять градусов левее! Рулевой, на румбе!

— На румбе триста, лодка медленно уходит вправо!

— Держать триста!

— Есть держать триста! — нижний вертикальный руль (а работает сейчас только он) совсем малень-

кий, и держать им курс без хода практически невозможно, поэтому, выждав необходимую для приличия паузу, рулевой докладывает:

— Лодка руля не слушается, медленно уходит вправо!

— Центральный, мостику, правая вперед десять!

— Есть правая вперед десять, работает правая вперед десять!

— Рулевой, держать курс триста!

— Есть держать курс триста! На румбе — триста.

— Есть! Внимание на левый борт!

— Ого тут у вас! — Командиру БЧ-7 холоднее и оттого еще, что он только что спал, уютно укутавшись одеялком.— Сей Саныч, вот, смотрите,— выкладывает планшет,— вот здесь вот что-то вроде как есть, но что — классифицировать не можем. Хода не имеет. Сблизимся минут через пять.

— Маленькое?

— Совсем.

— А на картах тут что?

— А на картах тут море.

— Умник. Что рекомендуешь?

— Тихонько красться. Справа тут банка, и вода сейчас малая, в теории можем пройти, но мало ли, а влево чтоб уйти, надо ход увеличивать, а ну как не успеем? Рекомендую остаться на данном курсе.

— Ладно, давай вниз, смотри там во все глаза. На румбе?

— На румбе — триста!

— Центральный, мостику! Что с турбинами?

— Левая застопорена, правая работает вперед десять.

— Стоп обе!

— Есть стоп обе. Застопорены обе.

— Оба САУ отвалить, развернуть лево девяносто и быть в готовности к немедленному пуску!

Больше сделать ничего и не сделаешь, а вроде как надо — крейсер же медленно ползет к чему-то непознаваемому и мало ли к чему, и вот это вот состояние, когда все сделал, что мог, а надо бы больше, но нечего, начинает нашептывать старпому в ухо всякое и заставляет его ходить по квадратному метру мостика из угла в угол и смотреть по пеленгу двести шестьдесят и проверять — туда ли смотрят минер и рулевой, и что, опять спросить, сколько на румбе? Ну чтоб вот просто не молчать.

— На румбе?

— Триста!

— Мостик, центральному! Отвалены оба САУ, оба САУ развернуты лево девяносто, готовы к немедленному пуску.

— Есть центральный. («Швартовые команды вызвать, что ли? А смысл?») Боцманскую команду наверх!

— Есть боцманскую команду наверх.

Первым замечает минер.

— Вижу слева по борту что-то!

— Где?

— Вон, смотрите, чуть левее, видите контур? Видите, да вон же, ну!

— Да, вижу! — кричит снизу рулевой.

Он по пояс почти вылез в форточку, чтобы лучше разглядеть, что там, но толком ничего не понять: просто в одном месте туман, да, плотнее, чем в других, и он лепит из себя какой-то не то баркас, не то шаланду. Развернули в ту сторону прожектор — стало еще хуже, убрали прожектор.

— Дай ракету!

— А кончились красные.

— Ты серьезно? Ну все тогда, отбой войне и стоп служить Отчизне! А зеленую дать тебе что, тонкое чувство прекрасного не позволяет?

— Ну... это... МППСС же...

— Дай зеленую ракету, немедленно! МППСС ему, гляди ты, а! Я сейчас — твой МППСС! Я!

Зеленая ракета глухо хлопает и шипя летит по пологой дуге — в хорошую видимость ночью светит она далеко и ярко, а сейчас едва освещает пару метров вокруг себя, но маленький рыболовный траулер угадывается отчетливее.

— Рыбак,— резюмирует старпом.

Траулер просто стоит без огней и хода. Как мертвый.

— Не ржавый какой-то, наш ли? — сомневается минер.

Почти уже без хода, лодка медленно пододвигается левым бортом к суденышку длиной метров тридцать. Старпом хватается за рычаг «Тифона», и тот с готовностью орет во все свое тифонье горло.

— Бля-а-а-а! — орет рулевой, у которого чуть не сдувает шапку.— Предупреждать же надо!

И убирается на свое место, захлопывая форточку. Его, естественно, никто не слышит.

Из рубки рыбака выскакивает мужик, почти такой же, как в рекламе леденцов «Фишермансфренд», только в вязаной шапочке вместо фуражки, и в руках у него не то багор, не то гарпун, не то черенок от лопаты.

— Бля-а-а-а! — орет рыбак, вращая глазами— Какого хуя!

Он смотрит вперед: черный резиновый борт, выше его судна, теряется в тумане. Он смотрит назад: черный резиновый борт, выше его судна, теряется в тумане. Он смотрит вверх: примерно на высоте его квартиры (а живет он на четвертом этаже пятиэтажного дома) светит прожектор и оттуда ему весело кричат:

— Ты с гарпуном, что ли? Планируешь акт нападения на военный корабль?

— Вы кто, нахуй, вообще?

— Инопланетяне, ёпта, повезло тебе, мужик,— собирайся! С нами полетишь!

— Да нахуй так пугать-то, а! Я, блядь, чуть не обосрался! Чего вы ревете-то как потерпевшие!

— Да проверяем, есть ли кто живой! А то мало ли, нашли шлюпку в море, а она — ничья!

— Сами вы шлюпка! Поняли? Не, серьезно, а вы кто вообще?

— Ну подводная лодка же, ну что ты — слепой?

— Подводная лодка? — рыбак вертит головой.— Да что вы пиздите? Подводные лодки вот такие (рыбак